

Фонвизин Сергей Иванович

Роман вице-губернатора

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
С32

С32 **Сергей Иванович Ф.**
Роман вице-губернатора / Фонвизин Сергей Иванович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 246 с.

ISBN 978-5-521-28542-6

ISBN 978-5-521-28542-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

можетъ знать... Вообще никто ничего не знаетъ... Самъ онъ, Мамоновъ, не знаетъ, для чего здѣсь сидитъ и изнываетъ въ ожиданіи... Т. е. «для чего» — положимъ знаетъ, но хорошо ли это и нужно ли дѣйствительно — вотъ въ чемъ вопросъ... А не удрать ли, пока еще не поздно?» Онъ вынулъ часы. «Четверть одиннадцатаго, а пріемъ еще не начался... Въ самомъ дѣлѣ, не удрать ли?» Онъ нерѣшительно заерзалъ въ креслѣ. Но тотчасъ же ему стало совѣстно, и онъ внутренно на себя прикрикнулъ: «Старая баба! Нашелъ время распускаться». Вѣдь онъ знаетъ прекрасно, что будетъ сидѣть и ждать хоть до вечера, а не удастся повидать министра сегодня, явится опять завтра, послѣзавтра. Не можетъ онъ уѣхать изъ Петербурга, не выяснивъ того, отъ чего зависитъ вся будущая его жизнь... Но онъ провелъ ночь въ вагонѣ, гдѣ было очень жарко и душно, почти совсѣмъ не спалъ, и у него разболѣлась голова; теперь же, хотя головная боль и утихла, но бессонная ночь даетъ себя знать: слипаются глаза, и онъ чувствуетъ, что начнетъ сейчасъ клевать носомъ.

Мамоновъ передернулъ плечами, всталъ и заходилъ по комнатѣ, осторожно лавируя между разговаривавшими кучками и стараясь не столкнуться съ продолжавшимъ шагать жандармскимъ генераломъ.

Раздался совсѣмъ короткій и мягкій звукъ электрическаго звонка, отъ несильнаго и мгновеннаго нажима кнопки. Стоявшій у боковыхъ дверей пожилой курьеръ, съ бородой библейскаго патріарха и весь увѣшанный большими и малыми, золотыми и серебрянными медалями, тревожно скосилъ глаза на дежурнаго чиновника. Но тотъ уже былъ на ногахъ, торопливо сунулъ зубочистку въ карманъ и, съ бумагой въ рукѣ, журавлинымъ шагомъ метнулся къ двери.

Въ пріемной произошло замѣтное движеніе. Губерна-

торы, прекративъ бесѣду, одинъ за другимъ подходили къ большому простѣночному зеркалу, приглаживали волосы и поправляли орденъ. За ними — жандармскій генералъ долго и тщательно расправлялъ роскошные подѣусники. Потомъ губернаторы заняли мѣста у дверей, а генералъ — противъ дверей, и всѣ четверо застыли въ выжидательныхъ позахъ. Очевидно, каждый изъ нихъ рассчитывалъ быть принятымъ первымъ и, когда въ дверяхъ показался дежурный чиновникъ, всѣ они невольно дернулись впередъ. Но чиновникъ, не глядя на нихъ, прошмыгнулъ мимо и, подойдя къ скромно сидѣвшему въ углу низенькому, толстенькому, совсѣмъ лысому старичку, въ довольно поношенномъ вицъ-мундирѣ, склонился передъ нимъ и произнесъ почтительно:

— Пожалуйте, ваше-ство.

Старичокъ быстро засеменилъ ножками и, точно шарикъ, покатился къ двери. Когда онъ поровнялся съ Мамоновымъ, тотъ успѣлъ замѣтить выступавшую изъ-подъ отворота фрака звѣзду Владиміра 1-ой степени. Обиженно-разочарованное выраженіе, появившееся было на лицахъ губернаторовъ и генерала, теперь сгладилось, и они проводили старичка сочувственно-одобрительными взглядами. Видимо, всѣ они были согласны, что такъ и должно было быть, что старичка и слѣдовало принять первымъ.

Потомъ пригласили одного за другимъ губернаторовъ, потомъ еще нѣсколькихъ человѣкъ. Лицо жандармскаго генерала вытягивалось все больше. Онъ уже давно отошелъ отъ дверей и опять шагаль, какъ маятникъ, все круче повертываясь на каблукахъ и все нетерпѣливѣе потряхивая эполетами. Наконецъ, когда въ кабинетъ прошелъ какой-то господинъ, совсѣмъ невзрачнаго вида, въ мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, генералъ

не выдержалъ, подошелъ къ дежурному чиновнику и сталъ что-то горячо ему говорить. Тотъ недоумѣвающе поднималъ плечи и разводилъ руками. Ничего, очевидно, не добившись, генералъ сердито фыркнулъ и опять зашагалъ.

Послѣ невзрачнаго господина былъ принять какой-то инженеръ, съ двумя огромными, свернутыми въ трубку планами; а затѣмъ чиновникъ съ довольнымъ видомъ подошелъ къ генералу и сказалъ любезно:

— Сейчасъ ваша очередь, ваше-ство.

Генералъ пріободрился, вытянулъ подбѣусники и всталъ у дверей.

«Ну, вотъ и дождался», подумалъ Мамоновъ. Генералъ положительно его развлекалъ и, когда онъ скрылся въ дверяхъ кабинета, Мамонову стало еще скучнѣе. «А когда же меня?» тоскливо подумалъ онъ и началъ считать оставшихся. «Шестнадцать... На два часа еще хватитъ». Опять его стало клонить ко сну. Онъ глубже опустился въ кресло и закрылъ глаза, но вдругъ встрепенулся. Передъ нимъ стоялъ дежурный чиновникъ и указывалъ рукой на дверь:

— Пожалуйста.

При входѣ Мамонова, министръ—плотный, роста выше средняго, съ коротко подстриженными сѣдыми волосами и такими же щетинистыми усами—сдѣлалъ видъ, что встаетъ, протянулъ руку и указалъ на стоявшее у письменнаго стола кресло.

Мамоновъ сѣлъ и тотчасъ же заговорилъ:

— Я служу земскимъ начальникомъ со времени основанія этой должности, слѣдовательно уже двѣнадцать лѣтъ. Въ настоящее время, по нѣкоторымъ, чисто личнымъ обстоятельствамъ, продолжать эту службу не нахожу возможнымъ. Человѣкъ я матерьяльно обеспечен-

ный, въ службѣ не нуждаюсь, а потому рѣшилъ выйти въ отставку. Но потомъ меня взяло сомнѣніе. Россія и вообще нуждается въ порядочныхъ чиновникахъ, — вашему высокопревосходительству это, конечно, извѣстно лучше чѣмъ кому бы то ни было,—ну, а такихъ, какъ я, т. е. людей служащихъ не изъ-за денегъ или честолюбія, а исключительно изъ желанія приносить пользу, — такихъ и совсѣмъ мало. Я, сравнительно, еще не старъ, — мнѣ сорокъ четыре года — и въ достаточной степени работоспособенъ. И я спросилъ себя: имѣю ли я нравственное право руководствоваться эгоистическимъ стремленіемъ къ свободѣ и независимости, имѣю ли право бросить службу, несмотря на то, что моя служебная дѣятельность можетъ приносить пользу? Не знаю, говорю откровенно—не знаю. Иногда мнѣ кажется, что я поработалъ достаточно и имѣю полное право отдохнуть, иногда же, наоборотъ, такой отдыхъ представляется мнѣ чуть не измѣной родинѣ. И вотъ, чтобы застраховать себя въ будущемъ отъ возможныхъ укоровъ совѣсти, я рѣшилъ явиться къ вашему высокопревосходительству и заявить, что если мнѣ будетъ предложено мѣсто вице-губернатора я такое приму.

Мамоновъ замолчалъ и широко-открытыми глазами смотрѣлъ на министра. Хотя въ общемъ онъ сказалъ то, что собирался высказать, но сказалъ совсѣмъ не такъ, какъ хотѣлъ. Съ первыхъ же словъ онъ сталъ волноваться, заторопился, скомкалъ конецъ и теперь чувствовалъ съ отвращеніемъ, что тѣ слова, которыя прежде, при обдумываніи и мысленномъ повтореніи, казались такими простыми, искренними,—теперь, въ обстановкѣ министерскаго кабинета и обращенныя къ человѣку, которому онъ добровольно предоставлялъ право распорядиться его будущей жизнью,—что слова эти звучали теперь дѣланно и фальшиво.

«Не вѣрять, не вѣрять», думалъ онъ со жгучимъ стыдомъ. «Говорить себѣ, что я нарочно выдумалъ такой пріемъ, чтобы вѣрнѣе получить мѣсто... И какое у меня должно быть глупое выраженіе лица... Ну, чего я усталъ на него, какъ филинъ... А, впрочемъ, чортъ съ нимъ совсѣмъ!»

Онъ опустилъ глаза и нетерпѣливымъ движеніемъ задвигалъ ногой по мягкому, пушистому ковру.

А министръ дѣйствительно не вѣрилъ. Онъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, быстро вертѣлъ въ пальцахъ остро очиненный карандашъ и, мелькомъ взглядывая на Мамонова, насмѣшливо думалъ: «Каковъ франтъ. Но придумано довольно оригинально и не глупо».

Выждавъ, не прибавитъ ли Мамоновъ еще чего-нибудь, онъ стукнулъ карандашомъ по столу и сказалъ:

— Итакъ, вы просите, чтобы я назначилъ васъ вице-губернаторомъ?

Мамоновъ вспыхнулъ.

— Простите, ваше высокопревосходительство, но я настаиваю на своей формулѣ. Я не прошу мѣста, но если мнѣ его предложить — я приму.

«Ну, ужъ это нахальство», подумалъ министръ, и въ его голосъ прозвучала рѣзкая нотка.

— Это все равно. Дѣло не въ формулахъ, а въ томъ, что я васъ совсѣмъ не знаю, а вице-губернаторское мѣсто не такое, чтобы на него назначать... назначать...

И онъ остановился, не находя сразу достаточно мягкаго и необиднаго эпитета.

— Перваго встрѣчнаго, — быстро подсказалъ Мамоновъ. — Я совершенно съ вами согласенъ, другого отвѣта не ожидалъ, а потому мнѣ остается просить извиненія, что я отнял у васъ нѣсколько минутъ дорогого времени. Простите, пожалуйста.

И, широко улыбаясь, онъ всталъ.

Въ глазахъ министра мелькнуло удивленіе. «Странно, очень странно», думалъ онъ. Нѣсколько секундъ смотрѣлъ онъ испытующе прямо въ глаза Мамонову, продолжавшему спокойно улыбаться, и потомъ сказалъ:

— Погодите. Вы не дали мнѣ договорить. Правда, я васъ не знаю, но это поправимо. Среди вашихъ знакомыхъ навѣрное найдутся лица, которыхъ и я знаю, и къ рекомендаціи которыхъ смогу отнестись съ довѣріемъ.

Мамоновъ сѣлъ и опять потупился. «Ну, начнется теперь канитель», недовольно думалъ онъ и отвѣтилъ хмуро:

— Какъ не найтись, конечно найдутся, но дѣло въ томъ, что обращаться за рекомендаціями къ кому бы то ни было я не считаю возможнымъ.

Министръ даже нѣсколько опѣшилъ.

— Вотъ какъ? Не считаете возможнымъ?—повторилъ онъ съ недоумѣніемъ и еще внимательнѣе сталъ вглядываться въ страннаго просителя. «И сколько у него орденъ...»—Скажите, пожалуйста, до назначенія земскимъ начальникомъ вы гдѣ служили?

— Въ полку.

— Въ какомъ?

— Въ К-омъ.

— А-а... Изъ Пажескаго?

— Нѣтъ.—Онъ назвалъ заведеніе, въ которомъ воспитывался.—А въ офицеры произведенъ изъ вольноопредѣляющихся.

— И долго служили?

— Четыре года.

— Только то. Когда же вы успѣли получить всѣ эти ордена?

И министръ, улыбаясь, указалъ пальцемъ на грудь Мамонова.

— Я уже докладывалъ вашему высокопревосходительству, что служу земскимъ начальникомъ двѣнадцать лѣтъ.

— Да, да... Но и для двѣнадцати лѣтъ многовато. Очевидно, начальство о васъ не забывало... Ну, а коронаціонную медаль какимъ образомъ вы заполучили?

— Я принималъ участіе въ коронаціонныхъ торжествахъ, въ качествѣ представителя отъ земскихъ начальниковъ губерніи, — уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Мамоновъ.

— Такъ. — Министръ улыбнулся. — Пожалуй, вы правы, отрицая рекомендаціи со стороны... Но, — онъ сдѣлалъ паузу: — вотъ что мы сдѣлаемъ. Повидайте вашего губернатора, передайте ему нашъ разговоръ и попросите отъ моего имени, чтобы онъ сообщилъ мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія... Быть можетъ, впрочемъ, вы и этого сдѣлать не пожелаете? — закончилъ онъ вопросительно, съ добродушной усмѣшкой.

Мамоновъ отвѣтилъ не сразу. Онъ думалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ наконецъ. — Это я сдѣлаю. Я понимаю, что губернаторскій отзывъ необходимъ... Но вотъ что, ваше высокопревосходительство, — и онъ почти сердитыми глазами смотрѣлъ на министра: — ждать долго рѣшенія я не могу, я долженъ получить отвѣтъ не позже какъ черезъ мѣсяцъ.

— Слушалось, постараюсь, — опять усмѣхнулся министр. — Ровно черезъ мѣсяцъ пріѣзжайте ко мнѣ за отвѣтомъ.

— И еще, — продолжалъ Мамоновъ, вставая. Я нѣсколько знакомъ съ дѣятельностью вице-губернатора, — дѣятельность чисто канцелярская, неинтересная, а сама должность ни то, ни сѣ, ни рыба, ни мясо. Я смотрю на нее, какъ на переходную ступень къ губернаторству, а

потому считаю долгомъ предупредить, что больше года оставаться вице-губернаторомъ не намѣренъ.

— Превосходно! Великолѣпно!.. Но вы, кажется, еще не кончили?

— Да. Долженъ еще прибавить, что въ Сибирь я не поѣду.

Министръ развелъ руками. Все его плотное тѣло колыхалось отъ смѣха. Видимо, ему было очень весело.

— Ха-ха-ха! Вы большой оригиналъ, и я очень радъ, что съ вами познакомился. Но теперь, прошу васъ, уходите скорѣй. Мнѣ очень хочется видѣть васъ вице-губернаторомъ, но у васъ такъ много условій, что я боюсь, какъ бы среди нихъ не нашлось наконецъ такого, на которое согласиться я не буду въ состояніи.

Хмуро улыбаясь, Мамоновъ пожалъ протянутую ему мягкую, пухлую руку.

II.

«Ну вотъ—и конецъ мечтамъ о свободной, независимой жизни», думалъ Мамоновъ, трясаясь на плохомъ извозчикѣ. Очевидно, онъ будетъ назначенъ. Въ характерѣ губернаторскаго отзыва сомнѣваться не приходится... И по дѣломъ, не донкихотствуй... «Ахъ, ты чортъ!» невольно вырвалось у него, когда пролетку встряхнуло такъ, что онъ прикусилъ языкъ. «Ну, и мостовая. А еще столица... Хуже всякаго захолустнаго городишки... И какъ странно», — продолжалъ онъ думать, уцѣпившись на всякій случай обѣими руками за кожаный фартукъ пролетки, «достаточно быть искреннимъ и правдивымъ, чтобы оказаться оригиналомъ... А, говорятъ, онъ — умница, человѣкъ выдающійся даже».

При переѣздѣ черезъ Литейный, извозчикъ распу-

стиль вожжи и чуть не пошаль подь трамвай. Мамоновъ такъ разсердился, что пригрозилъ ему участкомъ. Онъ вышелъ у подѣзда одного изъ большихъ домовъ на Сергѣевской, поднялся на лифтѣ въ третій этажъ и спросилъ отворившаго дверь лакея:

— Барыня встала?

Но не успѣлъ лакей отвѣтить, какъ раздалось восклицанье:

— Это ты, Alexandre! Какой пріятный сюрпризъ! — и Мамоновъ очутился въ объятіяхъ высокой, дебелий, все еще красивой барыни, лѣтъ сорока. На него пахнуло знакомымъ тонкимъ запахомъ дорогой пудры и крема Simon. Равнодушно чмокнувъ барыню въ щеку, онъ смахнулъ съ мундира налетъ пудры и сказалъ оффиціальнымъ тономъ:

— Здравствуй, Анна. Ну, какъ у васъ? Всѣ здоровы, все благополучно?

— Да, да, все прекрасно, — закивала она. — Но ты, вѣроятно, захочешь переодѣться, такъ иди сейчасъ, а то скоро завтракъ.

Слѣдомъ за нимъ она прошла въ кабинетъ — большую, перегороженную бархатной занавѣской комнату, служившую Мамонову и спальней во время его наѣздовъ въ Петербургъ. Снявъ мундиръ, онъ сталъ мыть руки, а Анна Петровна опустилась въ кресло и заговорила пѣвчимъ голосомъ, растягивая слова:

— Когда мнѣ Маша доложила, что ты пріѣхалъ, я даже не повѣрила. И почему ты не предупредилъ?

— Да такъ, право не знаю, почему... Въ сущности, и незачѣмъ. Вѣдь мнѣ ни встрѣчъ, ни приготовленій не надо.

— Ну, все-таки... Хоть лошадь за тобою выслала бы..

— Я думаю, вамъ и самимъ лошадей не хватаетъ, а

мнѣ все равно, могу и на извозчикѣ. — И, вспомнивъ про сегодняшняго разиню-извозчика, добавилъ усмѣхаясь:— Хотя надо сознаться, что петербургскіе возницы съ каждымъ годомъ становятся все хуже... да и мостовыя тоже.

— Да, да,—закивала она сочувственно. — Ужасныя... Ты, конечно, на всю Пасху?

— О, нѣтъ. Я уѣзжаю сегодня же, съ курьерскимъ.

— Но, Alexandre, это же невозможно. Не былъ съ самаго Рождества, и на одинъ только день. Ты насъ совсѣмъ знать не хочешь.

И она кокетливо-обиженно надула губы.

— Ничего не подѣлаешь. Мнѣ завтра же необходимо быть у губернатора.

— А сегодня ты къ кому ѣдиль?

— Къ министру.

— Какое-нибудь важное дѣло?

— Да... Впрочемъ, нѣтъ, не особенно.—И, чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ:—Ну, а дѣти какъ? Что Лили?

— Лили? Ничего... Я ее сегодня еще не видѣла. Вчера была маленькая sauterie, послѣдняя, у Мейснеръ, и мы вернулись въ пятомъ часу. Я не велѣла ее будить, пусть отдохнетъ. — И потомъ, конфиденціально понизивъ голосъ:—Лили—молодецъ. За ней сильно ухаживаетъ молодой князь Курбатовъ, знаешь — флигель-адъютантъ. На-дняхъ, на благотворительномъ спектаклѣ у Стольниковыхъ, они въ парѣ танцовали чардашъ. Лили была прелестна, всѣ на нихъ залюбовались... И старая княгиня мнѣ уже сдѣлала нѣсколько намековъ, очень прозрачныхъ...

Мамоновъ выглянулъ изъ-за перегородки, съ полотенцемъ въ рукахъ.

— И чему ты радуешься, Анна,—сказалъ онъ недо-